

ГЛАВА IX.

Цыгане, ихъ бытъ и характерныя свойства.

1. Общія замѣчанія.

Прежде всего скажу нѣсколько словъ о существенныхъ особенностяхъ этого замѣчательнаго народа, такъ какъ я убѣдился на опытъ, какъ трудно при недостаточномъ его пониманіи имѣть какія либо сношенія съ нимъ, и какъ облегчаются эти сношенія, если узнаешь его поближе. Цыганъ представляетъ собой нѣчто совершенно другое, нежели человѣкъ современной культурной націи, даже самый необразованный и грубый, и то обращеніе, къ которому привыкли мы въ сношеніяхъ со всѣми другими, совершенно непригодно, когда приходится имѣть дѣло съ цыганомъ. Слѣдовательно Германіи далеко не въ такой мѣрѣ, какъ въ Австріи, приходится бороться съ этимъ бичемъ страны, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя указанія мои будутъ не бесполезны и для нихъ. Австрійскіе же Слѣдователи тѣхъ участковъ, въ которыхъ почти ни одно дѣло не обходится безъ участія цыгана, найдутъ въ послѣдующемъ изложеніи, быть можетъ, кое-что для себя новое.

Насколько цыгане отличаются отъ всѣхъ другихъ преступниковъ, настолько они сохраняютъ между собой замѣчательное сходство. Съ той поры, какъ цыгане поселились въ Европѣ, они остаются тѣ же, какъ и въ первую эпоху ихъ появленія, и, читая самыя первыя извѣстія о нихъ и уголовныя дѣла о нихъ прежнихъ временъ, мы выносимъ такое впечатлѣніе, какъ будто видимъ передъ собою современныхъ намъ цыганъ ¹⁾. Въ теченіе нѣсколькихъ сто-

¹⁾ См. интересную книгу: „Ausführliche Relation von der famosen Zigeuner Diebs-Mord—und Rauberbande“ Д. Вейсенбруха. Франкфуртъ и Лейпцигъ 1727 г.

дѣтій цыгане разсѣялись почти по всей Европѣ, но обликъ ихъ, языкъ, образъ жизни и занятія остались неизмѣнными. О языкѣ ихъ д-ръ Поттъ, считающійся вмѣстѣ съ д-ромъ Миклозигомъ лучшимъ знатокомъ въ этомъ отношеніи, пишетъ: «цыганскія нарѣчія всѣхъ странъ, какія только намъ извѣстны, не смотря на значительныя измѣненія, внесенныя другими національностями, въ корняхъ своихъ представляютъ единство и однообразіе». Согласно съ этимъ и Миклозихъ всѣ цыганскія нарѣчія всѣхъ странъ считаетъ происходящими отъ одного ново-индійскаго нарѣчія, составляющаго одну группу съ языкомъ кафировъ и обитателей Дардистана. Де-Жерандо говоритъ: «между цыганами южно-французскихъ провинцій и цыганами, кочующими въ Венгріи, не замѣчается никакой разницы». Также Швикеръ: «у цыганъ всѣхъ государствъ мы находимъ одни и тѣ же обычаи, одни и тѣ же добродѣтели и пороки». Лпбихъ (совѣтникъ уголовного суда) пишетъ: «кровный цыганъ есть типъ для всѣхъ остальныхъ цыганъ».

Противъ высказаннаго взгляда о столь же замѣчательномъ, сколько и необъяснимомъ сходствѣ всѣхъ цыганъ можетъ служить, повидимому, то обстоятельство, что нѣкоторые восхищаются красотою лица и вообще фигуры цыганъ, въ то время какъ другіе держатся иного мнѣнія объ этомъ, или что напр. французскій цыганъ съ трудомъ понимаетъ венгерскаго. Дѣло просто объясняется тѣмъ, что съ одной стороны французскій цыганъ усвоилъ французскіе обороты, а венгерскій—слова венгерскаго происхожденія, а съ другой стороны пребываніе въ теченіе столѣтій въ одной странѣ не могло не отразиться на произношеніи словъ и вообще акцентѣ рѣчи цыганъ. Но если бы венгерскій цыганъ умѣлъ писать, а французскій прочесть написанное, то они поняли бы другъ друга гораздо лучше, такъ какъ немногія, заимствованныя изъ чужого языка, слова не составляли бы препятствій, и такъ какъ всѣ они говорятъ на языкѣ индійскаго происхожденія.

Наилучшую характеристику ихъ даетъ ф. Влислоцкій, жившій между ними и безъ сомнѣнія имѣвшій возможность изучить ихъ хорошо. «Нравственныя качества ихъ представляютъ удивительную смѣсь тщеславія и способности къ униженію, щегольства, серьезности и настоящаго легкомыслія, почти совершенное отсутствіе зрѣлой разсудительности и то подозрительное недовѣріе, которое является обычнымъ спутникомъ грубаго невѣжества; они способны также проявить самое недостойное раболѣпіе, въ расчетѣ обмануть кого нибудь; они не имѣютъ ни малѣйшаго уваженія къ истинѣ,

способны утверждать какую-либо ложь без всякаго смущенія и краски въ лицѣ, такъ какъ чувство стыда имъ незнакомо. Боль физическаго наказанія—вотъ, чего они единственно страшатся. Въ области чувствованій они не въ такой степени отличаются жестокостью и злопамятностью, какъ именно чувственностью».

Къ этой характеристикѣ, можетъ быть, слѣдовало бы добавить, что Влислоцкій изучалъ цыганъ, кочующихъ въ Трансильваніи, а цыгане эти по общимъ отзывамъ представляютъ собою нѣчто лучшее, чѣмъ наши австрійскіе цыгане. Такимъ образомъ цыгане, съ которыми приходится намъ имѣть дѣло, стоятъ на еще болѣе низкой ступени нравственнаго развитія, чѣмъ только что описанные, и мы должны отмѣтить, что наши цыгане при всей своей чрезмѣрной наглости и въ высшей степени развитой жестокости и мстительности отличаются также и трусостью, доходящей до невѣроятія и прямо не имѣющей границъ. Эта основная черта въ характерѣ цыгана для криминалиста является самою важною, такъ какъ при обсужденіи преступленія, совершеннаго цыганомъ, его мотивовъ и вообще образа дѣйствій, а равно и тогда, когда возникаетъ вопросъ, цыганомъ ли совершено то или другое дѣяніе, всегда нужно помнить, что цыганъ и трусость суть понятія неразлучныя.

Противъ этого обыкновенно возражаютъ, ссылаясь на то, что въ 1557 г. цыгане мужественно защищали замокъ Нажи-Ида (при Кашану) Франца Череніи противъ полководца Пухгейма. Но 1,—это единственный извѣстный примѣръ проявленной цыганами храбрости, 2.—они находились за укрѣпленными стѣнами и 3,—это была храбрость отчаянія, такъ какъ они защищали и свою жизнь.

Точно также не имѣетъ доказательнаго значенія и то обстоятельство, что съ поступленіемъ въ армію цыгане иногда дѣлаются хорошими солдатами. «Цыгану, сообщаетъ австрійскій капитанъ Зульцеръ, основательный знатокъ цыганъ, долгое время нужно быть солдатомъ, чтобы съ истинно солдатскимъ мужествомъ идти навстрѣчу непріятельскимъ пулямъ, и долго нужно разбойничать для того, чтобы онъ наконецъ рѣшился ограбить путника, не убивъ его сначала выстрѣломъ изъ ружья изъ-за угла. Я много разъ имѣлъ случай убѣждаться въ этомъ въ Трансильваніи, Валахіи и Молдавіи: я видѣлъ, какъ одинъ храбрый мужчина съ палкой въ рукахъ обратилъ въ бѣгство полдеревни цыганъ, и не даромъ въ Трансильваніи сложилась поговорка, что «мокрой тряпкой можно прогнать полсотни цыганъ». Не нужно впрочемъ ѣздить въ Валахію, чтобы видѣть нѣчто подобное. Почти ежедневно можно наблюдать,

что одинъ жандармъ. вооруженный саблей, или даже служитель волости гонить передъ собой толпу цыганъ.

Было время, что я почти непрерывно имѣлъ дѣло съ цыганами. Однажды одинъ жандармъ привелъ около 30 цыганъ, изъ которыхъ человекъ 20 мужчинъ были задержаны по подозрѣнію въ кражѣ; эти цыгане имѣли при себѣ телѣгу, запряженную въ одну лошадь, которую жандармъ схватилъ и удержалъ подъ уздцы. Вотъ это (!) только и было причиной, что ни одинъ цыганъ не успѣлъ убѣжать. Впослѣдствіи смотритель арестнаго помѣщенія [разсказывалъ мнѣ, что онъ спрашивалъ цыганъ, какъ случилось, что одинъ жандармъ арестовалъ столько человекъ. Самый старшій изъ цыганъ отвѣтилъ ему, что «господинъ жандармъ имѣетъ ружье, въ которомъ семь пуль». Смотритель возразилъ на это, что не могъ же жандармъ застрѣлить всѣхъ тридцать, и получили весьма характерный отвѣтъ: «правда, не всѣхъ, но все таки семерыхъ, и никто не желаетъ быть однимъ изъ этихъ семерыхъ».

Весьма характернымъ является также и то, что всѣ убійства, совершенныя цыганами, о которыхъ я только знаю, были осуществлены ими или надъ спящими, или изъ-за вполне безопасной засады, или же посредствомъ отравленія. Убійство, разъ оно представляло для злоумышленника извѣстную опасность, навѣрное не было совершено цыганомъ. Не противорѣчитъ вышеуказанному и то, что цыгане довольно часто бываютъ хорошими шпионами. Эта способность цыганъ представляетъ для насъ интересъ въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о томъ, какъ ловко и незамѣтно они могутъ высмотрѣть предварительно мѣсто совершенія предполагаемой кражи.

Между прочимъ Швикеръ сообщаетъ, что Валленштейнъ въ 1625 г. съ успѣхомъ употреблялъ цыганъ, какъ лазутчиковъ. Точно также пользовался ими Иоганнъ З а п о л ь я, претендентъ на венгерскій престолъ, въ борьбѣ съ Фердинандомъ Австрійскимъ, а въ 1602 г. императорскій генераль графъ Б а с т а только черезъ цыгана могъ переслать письмо въ городъ Бистриць, кругомъ обложенный неприятельскими войсками. Въ 1676 г. въ Верхней Венгріи задержаны были семеро цыганъ вмѣстѣ съ французскимъ инженеромъ Пьеромъ Дюруа, въ теченіе 9 лѣтъ кочевавшимъ среди цыганъ и съ ихъ помощью осматривавшимъ всѣ важнѣйшіе стратегическіе пункты Германіи и Австріи для французскаго короля.

Грелльманъ совершенно основательно замѣчаетъ, что цыганъ потому такъ приспособленъ къ шпионству, что «легко поступаая въ услуженіе, постоянно нуждаясь, онъ въ роли шпиона, благодаря лож-

ному тщеславію, воображаетъ себя имѣющимъ важное значеніе» При этомъ также слѣдуетъ принять въ соображеніе, что цыгань, въ теченіе вѣковъ часто при самыхъ затруднительныхъ условіяхъ кочуя иногда по совсѣмъ незнакомымъ ему мѣстамъ, выработалъ необыкновенную, можно сказать животную, способность ориентироваться гдѣ бы то ни было. Чтобы понять это, пусть представятъ себѣ цыгана, который находитъ незнакомое ему ранѣе мѣсто, гдѣ должна быть совершена кража, только на основаніи разсказа, отыскивая притомъ кратчайшій и вѣрнѣйшій путь; затѣмъ по окончаніи преступленія возвращается инымъ и также вѣрнымъ путемъ. Въ случаѣ же бѣгства въ разныя стороны онъ всетаки сходится съ товарищами, и наконецъ всѣ собираются въ условленномъ мѣстѣ—и все это безъ карты, безъ компаса, не умѣя читать и не имѣя возможности спрашивать дорогу у обывателей. И каждая воровская шайка цыгань совершаетъ такіе подвиги чуть не каждый день.

Во время оккупации 1878 г., незадолго до Взятія Сараево потребовалось установить сношенія между двумя двигавшимися отрядами съ восточной стороны и главнымъ отрядомъ, шедшимъ съ юга. Однажды въ полночь, около двухъ часовъ къ нашему аванпосту прискакали два гусара съ бумагами на имя главнокомандующаго: имъ было указано только направленіе, какого держаться, и дано порученіе найти австрійскіе аванпосты отряда генерала Филипповича. Два гусара (унтеръ-офицеръ и рядовой) выѣхали наканунѣ вечеромъ, пересѣкли мѣстность крайне дикую и непроходимую и при томъ занятую турками, переплыди двѣ рѣки и благополучно въ весьма короткое время прибыли къ аванпостамъ. Я спросилъ унтеръ-офицера, какъ онъ выбиралъ путь въ мѣстности, въ которой никогда въ жизни не былъ, и получилъ характерный отвѣтъ: «я ничего не знаю, но товарищъ мой—цыгань». Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на его спутника и при слабомъ свѣтѣ лагерныхъ огней увидѣлъ, что это былъ кровный цыгань съ фizioноміей висельника, который въ данный моментъ гораздо болѣе, кажется, интересовался моею папироской, нежели всей кампаніей. Какъ я узналъ впоследствии, этотъ цыгань съ своимъ унтеръ-офицеромъ столь же благополучно совершили свой обратный путь.

А кто пожелаетъ узнать, какъ именно цыгань умѣетъ въ такой степени ориентироваться гдѣ бы то ни было, пусть освѣдомится, почему именно столь близкая ему по своимъ кочеваніямъ перелетная птица находитъ путь изъ теплыхъ странъ къ родинѣ и обратно.

Эту совершенно непостижимую для насъ способность всегда и вездѣ ориентироваться, никогда не потерять направленія, все замѣчать и всѣмъ пользоваться никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, если ставится вопросъ, совершенно ли извѣстное дѣяніе цыганами, или нѣтъ. Поэтому вовсе не такъ далеко отъ истины утвержденіе, что «для цыгана нѣтъ ничего невозможнаго», въ томъ смыслѣ, что для него возможно все,—«что только можетъ быть достигнуто при высшемъ напряженіи хитрости, ловкости, дерзости и алчности».

Цыгана слѣдуетъ представлять себѣ, какъ продуктъ его собственной природы и тѣхъ качествъ, которыя созданы въ немъ въ теченіе вѣковъ условіями его жизни: пища его, жилище, непрерывная борьба съ стихіями и всѣми, которые преслѣдуютъ его какъ хищнаго звѣря, все это въ связи съ особенностями физическими и умственными обусловливало созданіе такого существа, которое въ извѣстномъ направленіи можетъ достигнуть всего и въ другомъ—ничего. При этомъ слѣдуетъ еще принять въ соображеніе, что съ момента появленія въ Европѣ всѣ помыслы и стремленія ихъ замкнулись въ весьма тѣсномъ кругу: они желаютъ лишь свободно и безпрепятственно странствовать, гдѣ хотятъ; цыганъ не стремится къ власти, но и не любитъ подчиняться приказаніямъ другихъ: высшее для него счастье составляетъ возможность предаваться самой безграничной лѣни, и онъ желаетъ лишь отнимать отъ другихъ, зарабатывающихъ хлѣбъ свой честнымъ трудомъ, ровно столько, сколько требуется для удовлетворенія его скромныхъ потребностей. Честь, отчизна, семья и государство, прошлое и будущее своего народа—всѣ эти лучшія и благороднѣйшія идеи каждой культурной націи для цыгана совершенно чужды: взамѣнъ ихъ, мы видимъ у него стремленіе къ ненасытной лѣни, животный голодъ, чувственную любовь и немного тщеславія. Иныя побужденія ему незнакомы—и все это, взятое вмѣстѣ, въ своемъ конечномъ результатѣ естественно порождаетъ стремленіе къ добыванію хлѣба незаконнымъ путемъ.

Если же принять во вниманіе, что цыганъ отнюдь не слабѣе въ умственномъ отношеніи, нежели культурный человѣкъ, что этотъ послѣдній въ теченіе столѣтій обращалъ всѣ свои силы къ достиженію высшихъ идеаловъ человѣчества, между тѣмъ какъ цыганъ все существованіе свое полагалъ въ пропитаніи на средства другихъ, то станетъ понятнымъ, почему въ этомъ отношеніи цыгане проявляютъ такую дѣятельность, которая другимъ смертнымъ представляется невозможной.

2. Какъ цыгане совершаютъ кражи.

Въ дѣлахъ о кражахъ, совершаемыхъ цыганами, болѣе всего поражаетъ ихъ чрезвычайная ловкость. Это въ особенности важно потому, что часто привлекается въ качествѣ обвиняемыхъ въ такихъ кражахъ прислуга и, быть можетъ, даже безвинно подвергается осужденію, такъ какъ по обстановкѣ представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы кто-либо посторонній такъ хорошо зналъ всѣ домашніе порядки, и такъ какъ требуется слишкомъ много ловкости и дерзости, чтобы проникнуть извнѣ безъ «наведенія» чрезъ домашнихъ людей. А между тѣмъ кража была совершена цыганами, у которыхъ именно и оказалась эта «невѣроятная ловкость, дерзость и даръ наблюдательности». Иногда прислуга въ теченіе долгаго пребыванія въ домѣ или сосѣдѣ, 10 лѣтъ живущій рядомъ, не замѣчаютъ того, что какая-нибудь старая цыганка, прося милостыню, гадая или врача, подмѣтитъ въ нѣсколько минутъ, и на основаніи ея наблюденій совершается самая отчаянная кража. Тамъ, гдѣ, повидимому, «не пролѣзетъ ни одна кошка», проскользнетъ маленькій цыганенокъ, какъ будто бы ему была отворена дверь, и куда не доберется и акробатъ, туда съумѣетъ подняться цыганъ при помощи своего, кидаемаго безъ промаха. крюка-самолова (Wurfangel). Нѣтъ слесаря, который могъ бы съ такой быстротой и вѣрностью опредѣлить, гдѣ—слабое мѣсто желѣзной рѣшетки, каковъ механизмъ замка, какъ взломать дверной крюкъ, — при условіи, если не предъявлять слесарю предметъ со всѣхъ сторонъ: цыгану же достаточно одного взгляда, одного прикосновенія снаружи, чтобы разгадать, какъ онъ долженъ поступить.

Пусть припомнятъ, какъ долго и тщательно каменщикъ и архитекторъ вымѣряютъ и пробуютъ стѣну, прежде чѣмъ дать заключение о ея прочности, устойчивости, составѣ и способѣ кладки, и затѣмъ для сравненія обратятъ вниманіе на отверстіе въ стѣнѣ, сдѣланное цыганомъ. Окажется, что онъ выбралъ самое тонкое, сырое и рыхлое мѣсто въ стѣнѣ, за которымъ при томъ съ внутренней стороны не находится никакой мебели. Въ избранномъ мѣстѣ онъ не нашелъ ни одного большого камня, который пришлось бы сбивать долотомъ. Большею частью онъ выбираетъ мѣсто, гдѣ стѣна ослаблена дымовою или иною трубой и гдѣ можно не опасаться, что произойдетъ шумъ вслѣдствіе падающихъ обломковъ кирпича и цемента. Непостижимо, какъ онъ умѣетъ извнѣ такъ ориентиро-

ваться относительно внутренняго расположенія комнатъ, что прямо проходить въ извѣстную комнату, не встрѣчая запертыхъ дверей и не проходя мимо спящихъ людей. А если этого избѣжать нельзя, то онъ проскользнетъ безъ шума, не дотрогиваясь ни до одного предмета. «Надо быть духомъ, увѣряетъ потерпѣвшій, я все слышу во снѣ, какъ же онъ могъ пройти мимо моей постели?» Но цыганъ умѣетъ двигаться безъ малѣйшаго шума, какъ злой духъ, какъ безтѣлесный призракъ.

Онъ оставляетъ послѣ себя только запахъ, своеобразный, не поддающійся описанію, долго сохраняющійся, и кто разъ обонялъ его, тотъ не забудетъ никогда. Запахъ этотъ, какъ говорятъ, напоминаетъ собой весьма характеристичный запахъ, отдѣляемый неграмми. Кому изъ лицъ судебного вѣдомства приходилось имѣть дѣло съ цыганами, тѣ, если они имѣютъ болѣе или менѣе тонкое обоняніе, при входѣ въ зданіе суда сразу ощущаютъ присутствіе приведеннаго цыгана, такъ что можно думать, что онъ пристаётъ и къ стѣнамъ. Этимъ обстоятельствомъ часто можно пользоваться для установленія того, были ли на мѣстѣ цыгане. Если совершается кража, то само собой разумѣется, цыгане должны довольно долго оставаться на одномъ мѣстѣ и что-нибудь брать руками: въ большинствѣ случаевъ взламываются при этомъ сундуки, ящики и т. п. и находящаяся въ нихъ одежда, бѣлье и пр. и въ особенности вещи изъ шерстяныхъ тканей быстро впитываютъ въ себя этотъ запахъ и удерживаютъ его на болѣе или менѣе продолжительное время. И если человѣкъ, знакомый съ такимъ запахомъ, вскорѣ послѣ ухода воровъ входитъ въ это помѣщеніе, то онъ съ полною достовѣрностью можетъ установить участіе въ кражѣ цыганъ. Если попытаться сравнить этотъ запахъ съ чѣмъ-либо знакомымъ, то лучше всего, быть можетъ, будетъ соответствовать ему запахъ сала вмѣстѣ съ запахомъ мышей.

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить и неописуемую нечистоплотность цыганъ, которая въ иныхъ случаяхъ можетъ даже послужить и уликою по дѣлу. Совершивъ убійство, цыганъ не снимаетъ въ теченіе цѣлаго года рубахи, въ которой совершено убійство, ибо въ этомъ случаѣ «Богъ сохранить свою милость». И на самомъ дѣлѣ рубахи цыганъ имѣютъ такой видъ, какъ будто онѣ мылись годъ назадъ.

Если замѣчательна ловкость, съ какою цыганъ проникаетъ въ домъ, то еще болѣе замѣчательно, какъ предусмотрительно онъ обезпечиваетъ себѣ отступленіе и ограждаетъ себя отъ нечаянныхъ

встрѣчь. Онъ такъ же, какъ и всякій другой опытный воръ, заранее обдумываетъ планъ бѣгства, но вслѣдствіе своей юркости и быстроты не нуждается, подобно другимъ ворами, въ широкихъ и удобныхъ путяхъ: сломанная перекладина въ оконной рамѣ, небольшое отверстіе въ стѣнѣ, немного растворенная дверь достаточны для того, чтобы цыганъ съ гибкостью и быстротой лисицы проскользнулъ такъ незамѣтно, что потерпѣвшій, явившійся къ мѣсту преступленія, увѣренъ въ томъ, что воровъ давно уже нѣтъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ только что юркнулъ вонъ.

Въ одномъ извѣстномъ мнѣ случаѣ одинъ преслѣдуемый цыганъ, находясь въ комнатѣ постоялаго двора и замѣтивъ сквозь рѣшетку окна приближеніе полиціи, сталъ за дверь на короточки и когда полицейскій, войдя въ комнату, оглядѣлся, то цыганъ юркнулъ между его ногъ и бѣжалъ безслѣдно.

Чтобы не быть пойманнымъ на мѣстѣ преступленія, цыгане всегда ставятъ сторожей, которые съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ кругомъ, и, обладая зрѣніемъ совы и слухомъ лисицы, они въ ночной темнотѣ замѣтятъ всякаго приближающагося къ нимъ задолго ранѣе, нежели онъ увидитъ ихъ, и въ глубокой тишинѣ слѣдятъ за каждымъ его шагомъ. Съ раняго дѣтства приучаясь къ такой сторожевой дѣятельности, цыгане осваиваются съ нею, какъ никто. Къ тому же цыганъ и вообще не любитъ кочевать одинъ или небольшой группой: для этого онъ слишкомъ общественное и болтливое существо. Для него нѣтъ ничего болѣе тягостнаго, какъ одиночество. Вотъ почему онъ странствуетъ и воруетъ всегда въ большомъ обществѣ, и каждый членъ этого общества, мужчина ли, женщина, или дитя, является надежнымъ пособникомъ, и они въ избыткѣ занимаютъ караульные посты. Предпринимая кражу, цыганъ идетъ съ товарищами, женами и дѣтьми: первые помогаютъ красть, женщины стоятъ насторожѣ и затѣмъ помогаютъ уносить похищенное, дѣти работаютъ такъ же, какъ и женщины, и кромѣ того ихъ заставляютъ пролѣзать сквозь рѣшетки и въ небольшія отверстія для того, чтобы они открыли двери изнутри. Чѣмъ сильнѣе охрана кругомъ, тѣмъ болѣе это способствуетъ удачѣ преступленія, такъ какъ тѣмъ увѣреннѣе и спокойнѣе работаютъ злоумышленники и тѣмъ болѣе они захватываютъ съ собой добычи. Указанія на спокойную работу при совершеніи преступленія суть вѣрный признакъ того, что кража совершена цыганами, т. е. когда самая обстановка злодѣянія съ несомнѣнностью указываетъ, что похищенное спокойно розыскивалось,

извлекалось и выносилось. А это свидѣтельствуеъ о томъ, что цыгане работали въ сообществѣ цѣлой шайки и чувствовали себя въ полной безопасности.

Другое средство, употребляемое цыганами для огражденія себя отъ опасности, состоитъ въ томъ, что они завязываютъ двери (см. главу 17-ю «О кражѣ») для того, чтобы проснувшіеся обитатели дома не могли захватить ихъ на мѣстѣ. Какъ только цыганъ проникаетъ въ помѣщеніе, изъ котораго должна быть совершена кража, онъ прежде всего осматриваетъ всѣ двери, ведущія въ это помѣщеніе изъ другихъ комнатъ или частей дома. Если даже онъ найдеть въ двери ключъ (на его сторонѣ), то онъ не довольствуется простымъ запираніемъ двери: онъ хорошо знаетъ, что обыкновенный дверной замокъ представляетъ собой ненадежную защиту. Въ этомъ случаѣ онъ или *закладываетъ колмокъ*, если дверь открывается внутрь, или же *завязываетъ*, если дверь открывается кнаружи. Первый способъ не представляетъ трудности, второй же требуетъ нѣкотораго умѣнія, такъ какъ щеколду надо настолько крѣпко привязать къ притолкѣ, чтобы, при попыткѣ отворить дверь, не могла образоваться щель, черезъ которую ножомъ можно было бы разрѣзать веревку. Вслѣдствіе этого цыганъ предпочитаетъ веревкѣ проволоку, причемъ способъ связыванія ею настолько искусенъ, что безспорно заслуживаетъ удивленія. Если такимъ образомъ при осмотрѣ окажется, что это связываніе было произведено быстро, просто, безъ шума и съ большимъ искусствомъ, то, безъ сомнѣнія, оно было сдѣлано цыганомъ.

Нельзя, впрочемъ, утверждать, чтобы всегда, когда двери оказались завязанными такимъ образомъ, именно дѣйствовали цыгане: среди цыганъ часто подолгу проживаютъ различные отбросы общества, бродяги и т. п., которые вмѣстѣ съ ними воруютъ и, научившись отъ нихъ различнымъ приемамъ, разлучаются съ ними и продолжаютъ свое преступное ремесло ¹⁾. Хотя эти люди и примѣняютъ затѣмъ тѣ же приемы, но все же они не достигаютъ искусства цыганъ. Чтобы убѣдиться въ различіи между ними, стоитъ развѣ видѣть, какъ «чисто» сработалъ цыганъ, и какъ неуклюже примѣ-

¹⁾ Ни одинъ культурный человѣкъ, даже самый порочный, долго между цыганами не выживетъ. Частью ихъ образъ жизни настолько тяжелъ для здоровья, что только цыгане въ состояніи вынести его, и частью у нихъ имѣются столь отталкивающіе обычаи (нечистоплотность, жестокое обращеніе съ животными, противная пища и т. д.), что они становятся несносными для всякаго, не принадлежащаго къ ихъ племени.

нилъ тотъ же пріемъ другой. Но за то можно съ увѣренностью сказать, что тамъ, гдѣ двери во время кражи оказались несвязанными, виновными не были цыгане. Они только тогда не завязываютъ дверей, гдѣ это представляется совершенно безцѣльнымъ: напр., тамъ, гдѣ дверь ведетъ въ нежилую комнату, въ которой нѣтъ другихъ дверей и въ которой окна снабжены рѣшетками. Объ условіяхъ мѣста или помѣщенія, изъ котораго совершена кража, цыганъ всегда, какъ уже сказано, развѣдываетъ точно заранѣе (см. въ главѣ 10-й о подбрасываніи въ мѣстѣ совершенія преступленія сѣмени отъ дурмана).

Слѣдующее средство узнать, цыганами ли совершена кража, заключается въ томъ, чтобы всѣ качества (душевные), которыя по обстановкѣ событія были необходимы, или которыя выразились въ тѣхъ или другихъ фактическихъ подробностяхъ совершившагося, сопоставить съ извѣстными уже намъ качествами цыганъ и тогда взвѣсить, цыгане ли были на мѣстѣ преступленія, или иные злоумышленники. При этомъ нужно прежде всего принимать въ соображеніе гнусную трусость цыганъ. Какъ уже было сказано, по дѣлу объ убійствѣ никогда не слѣдуетъ предполагать въ виновномъ цыгана, если только изъ обстоятельствъ его усматривается, что для убійцы представлялась нѣкоторая опасность, или что онъ открыто напалъ на свою жертву. Точно также не можетъ быть совершена цыганами кража изъ дома, въ которомъ обитаютъ нѣсколько отважныхъ мужчинъ, у которыхъ притомъ всегда можетъ оказаться оружіе.

Если, напр., застигнутый на мѣстѣ преступленія воръ съ непостижимою ловкостью спустился съ крыши посредствомъ дождеваго желоба или виноградной рѣшетки, то это, можетъ быть, и былъ цыганъ, но, если онъ при этомъ соскочилъ въ неизвѣстную глубину, такъ что могъ сломать ногу, на что-либо наткнуться или вообще повредить себѣ, то это уже былъ не цыганъ.

Характерно то, что цыганъ очень часто при совершеніи кражи запасается оружіемъ: онъ кладетъ около себя колъ или топоръ, или работаетъ, держа въ зубахъ ножъ, чтобы тотчасъ же схватиться за нихъ въ случаѣ нападенія. Но если это случится, то онъ прежде всего заботится о сохраненіи своей жизни и бѣжитъ, какъ только можетъ, скорѣе. За то нерѣдко убѣгающіе цыгане стрѣляютъ въ преслѣдующихъ ихъ, но опять таки если они скрываются во мракѣ ночи, или же спрятавшись за угломъ дома или за деревомъ, откуда они могутъ прицѣлиться. Не менѣе характернымъ для опредѣленія

душевнаго склада цыгана является способъ совершенія убійства, разъ онъ на таковое отважился. Одинъ жандармъ былъ убитъ коварнымъ образомъ нѣсколькими цыганами: на тѣлѣ его оказались многочисленныя и глубокія колотыя раны, изъ которыхъ большая часть была нанесена тогда, когда жандармъ былъ уже убитъ. Они наносили ему эти раны отчасти для того, чтобы добить свою жертву навѣрняка, отчасти же потому, что въ нихъ проснулось свирѣпое кровожадное чувство цыгана, но проснулось, когда они могли безъ всякой для себя опасности колотъ ненавистнаго имъ человѣка.

Огромною побудительною силою въ цыганѣ является его не-насытная, грубая страсть къ ѣдѣ. Видѣть лакомый кусокъ и стремиться завладѣть имъ—для нихъ это одно и то же. Въ мѣстностяхъ, гдѣ много цыганъ, всѣ знаютъ, что надо зорко беречь свиницу, если только цыгане видѣли случайно, какъ убивали свинью. Въ этомъ случаѣ цыганъ совершаетъ кражу не потому, что онъ замѣтивъ, какъ рѣзали свинью, узналъ, что въ такомъ-то домѣ есть свиное мясо, а только потому, что одно зрѣлище лакомаго мяса возбудило въ немъ желаніе добыть это мясо. «Иначе мы не можемъ», говорила мнѣ одна старая цыганка, «положи на могилу цыгана золотую монету, рука его проростетъ сквозь землю и схватитъ ее».

Каждый крестьянинъ знаетъ, что опасно показывать цыгану что-нибудь, возбуждающее его алчность, и между тѣмъ, какъ часто цыгане наблюдаютъ за крестьянами, и какъ рѣдко замѣчаютъ ихъ крестьяне! Цыганъ, какъ лисица, крадется по деревнѣ, заглянетъ въ домъ и все примѣчаетъ, не будучи самъ никѣмъ замѣченъ, и только, когда пропадетъ какая нибудь вещь, впервые явится предположеніе, что, быть можетъ, приходилъ цыганъ.

Объ одномъ весьма хитромъ приѣмѣ цыганъ при кражѣ лошадей мнѣ сообщилъ С. Слѣдователь Кафчинъ изъ Лайбаха. Онъ наблюдалъ, что цыгане преимущественно крадутъ лошадей тогда, когда вблизи мѣста совершенія кражи на другой или третій день должна быть конная ярмарка. Потерпѣвшій въ этомъ случаѣ долженъ разсчитывать съ увѣренностью отыскать свою лошадь на этой ярмаркѣ и поэтому часто не принимаетъ никакихъ мѣръ и даже не заявляетъ о кражѣ полиціи. На это-то и разсчитываетъ цыганъ и когда потерпѣвшій ищетъ на ярмаркѣ,—похищенная лошадь уведена весьма далеко. Такіе случаи указываютъ и на нѣкоторую психологическую наблюдательность цыганъ.

3. О похищеніи ими дѣтей.

Дѣйствительно ли цыгане похищаютъ младенцевъ? Объ этомъ почти вездѣ существуютъ рассказы, имъ вѣрятъ, но никто еще лично въ этомъ не убѣждался. Есть и въ печати исторіи, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ у читателей, но ни одна изъ нихъ не удостовѣрена документально. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что цыгане отличаются большою плодовитостью и едва ли поставлены въ необходимость кормить еще чужихъ дѣтей и при томъ съ большимъ рискомъ для себя. А между тѣмъ убѣжденіе о томъ, что цыгане крадутъ дѣтей, такъ распространено вездѣ, что одно нахождение въ таборѣ ихъ чужого и при томъ слѣплого и вообще увѣчнаго ребенка можетъ вызвать въ толпѣ подозрѣніе и повести къ дикой расправѣ надъ ними самосудомъ. Я думаю, что къ рассказамъ о кражахъ дѣтей цыганами слѣдуетъ относиться такъ же, какъ и къ взводившимся на нихъ въ средніе вѣка обвиненіямъ въ людодѣствѣ, а между тѣмъ въ ту эпоху сотни цыганъ были подвергнуты суровой казни, послѣ того какъ пыткой было вырвано у нихъ вынужденное признаніе въ этомъ ужасномъ преступленіи. И то и другое представляетъ собою плодъ народной фантазіи, склонной приписывать этимъ чужеземнымъ, загадочнымъ выходцамъ съ дурными наклонностями нелѣпыя и страшныя обычаи.

Только одно представляется такъ сказать подходящимъ: по народнымъ преданіямъ, цыгане похищаютъ преимущественно дѣтей съ *рыжими* волосами, и дѣйствительно у цыганъ рыжіе волосы называются волосами солнца и считаются приносящими счастье. Отсюда и могло возникнуть предположеніе, что цыгане, у которыхъ, какъ извѣстно, рождаются дѣти только черноволосые (кромѣ альбиносовъ), добываютъ себѣ такихъ «приносящихъ счастье» дѣтей путемъ кражи. Во всякомъ случаѣ легенда эта могла возникнуть и вслѣдствіе того, что нищенствующія и гадалки цыганки часто слишкомъ ласково относились къ такимъ рыжеволосымъ дѣтямъ и, быть можетъ, даже слишкомъ откровенно высказывались о ихъ счастливыхъ примѣтахъ. Но разъ сложилось повѣріе, что цыгане воруютъ дѣтей, то весьма понятно, что встревоженные родители долго еще потомъ испытываютъ безпокойство, такъ какъ цыгане *могли* похитить его дитя: «они вѣдь воруютъ все, что имъ попадается подъ руку». Изъ опасеній, что дитя *могло* быть похищено, путемъ молвы легко можетъ сложиться и представленіе, что рыжеволосыя дѣти дѣй-

ствительно *похищаются* цыганами: такое извращеніе слуховъ можно наблюдать постоянно. Чѣмъ чаще повторяются подобные рассказы, тѣмъ прочнѣе складывается убѣжденіе, что цыгане похищаютъ рыжеволосыхъ дѣтей. Такъ, народное повѣріе, съ одной стороны, и суевѣріе цыганъ относительно рыжихъ волосъ, съ другой стороны не имѣтъ внутренней связи, но первое вытекло изъ послѣдняго, и такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь часто случающуюся логическую ошибку, сопровождающуюся иногда горькими послѣдствіями и заключающуюся въ томъ, что два факта признаются взаимно дополняющими и подтверждающими одинъ другой, между тѣмъ одинъ фактъ только слѣдуетъ за другимъ: *simul cum hoc propter hoc*.

Добавлю къ этому, что въ единственномъ, бывшемъ въ практикѣ моей, дѣлѣ, по которому цыгане подозрѣвались въ кражѣ ребенка, этотъ послѣдній былъ дѣйствительно рыжеволосой дѣвочкой.

4. Хорошія качества цыганъ и религія ихъ.

На хорошія качества цыганъ, къ сожалѣнію, никогда не слѣдуетъ полагаться. Такъ, часто выраженіе ими благодарности обманчиво и, хотя цыганъ такъ увѣряетъ въ своей благодарности, что кажется безчеловѣчнымъ не довѣрять ему, однако въ дѣйствительности я знаю лишь случаи самой черной неблагодарности. Изъ одного зажиточнаго крестьянскаго дома совершена была кража и похищено было все, что только можно, такъ что потерпѣвшіе впади въ совершенную нужду. Всѣ данныя свидѣтельствовали о томъ, что кража совершена была цыганами, и въ этомъ направленіи были допрошены потерпѣвшіе. Но они увѣряли, что въ послѣднее время ни одинъ цыганъ въ ихъ домѣ не былъ и даже не проѣзжалъ мимо, что участіе цыганъ представляется имъ недопустимымъ, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ они дали у себя пріютъ одной беременной цыганкѣ, которая была найдена ими въ лѣсу въ безпомощномъ состояніи во время снѣжной вьюги. Цыганка разрѣшилась отъ бремени въ ихъ домѣ, долго была больна и вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ, какъ засвидѣтельствовали и сосѣди, пользовалась самымъ внимательнымъ уходомъ. Когда, наконецъ, она съ ними простилась, то при уходѣ такъ искренно выражала имъ свою благодарность, что «у всѣхъ присутствовавшихъ были въ глазахъ слезы». При разставаніи и еще во время болѣзни она увѣряла неоднократно, что

въ знакъ благодарности она будетъ содѣйствовать къ тому, чтобы ни одинъ цыганъ на вѣчныя времена не смѣлъ причинить какое-либо зло столь «хорошему дому». Полиція, однако, усумнилась въ искренности словъ цыганки и, получивъ отъ потерпѣвшихъ точное описаніе примѣтъ этой цыганки (одноглазая и необыкновенно высокаго роста), скоро розыскала ее, таборъ ея и часть похищеннаго имущества. Обнаружилось, что эта женщина нарочно затягивала свою болѣзнь, чтобы узнать распредѣленіе комнатъ, домашніе порядки и всѣ нужныя подробности, даже сдѣлала съ ключей отписки и такимъ образомъ подготовила все для совершенія кражи.

Точно также не слѣдуетъ довѣрять и столь прославленному нѣкоторыми чувству уваженія, которое будто бы цыгане питаютъ къ умершимъ. Говорятъ, что цыганъ прекращаетъ свое ложное показаніе, если будетъ спрошенъ о томъ, можетъ ли онъ подтвердить свое показаніе подъ клятвою «ар і mulende» (при душахъ умершихъ). Я никогда не испытывалъ этого средства, да и не имѣлъ желанія его примѣнять, но если правда, что цыганъ при этой клятвѣ не посмѣетъ лгать, то, по моему мнѣнію, въ данномъ случаѣ вовсе нѣтъ «почтенія къ умершимъ», а исключительно имѣется боязнь видѣній, страхъ смѣшной и ребяческой, по этимъ страхомъ и исчерпываются его религіозныя убѣжденія. Характерно, что на цыганскомъ языкѣ *mulu* означаетъ одинаково: покойникъ, призракъ, видѣніе и вампиръ, такъ что для цыгана одно и то же, что покойникъ, что «злой духъ», котораго они трепещутъ, и поэтому они никогда не дерзнутъ призывать «*mulu*» или «*mulende*».

Считаю нужнымъ отмѣтить одно обстоятельство, которому вообще придаютъ слишкомъ мало значенія, а именно, что цыгане, хотя и имѣютъ нѣкоторыя христіанскія свѣдѣнія (безъ всякаго пониманія), но не дѣлаютъ надлежащаго различія между *dewel* (Богъ) и *beng* (дьяволъ). И того, и другого цыганъ представляетъ себѣ сверхъестественными существами, которыя ему причиняютъ добро и зло безъ различія. Чистилищный огонь онъ называетъ: *bengeskego jak* (дьявольскій огонь) и *deweleskego jak* (Божій огонь), и вещи, которыя ему неприятны, онъ называетъ «божескими», напримѣръ, *deweleskego tsigo*—Божья погода, ненастная погода, или когда околѣло животное, то онъ говоритъ: «Богъ его убилъ». Простой же народъ у насъ выражается въ этомъ случаѣ такъ: дьяволъ его взялъ.

Но если человѣкъ имѣетъ столь недостаточныя религіозныя представленія или точнѣе даже вовсе ихъ не имѣетъ, то онъ не знаетъ Бога, какъ Отца всѣхъ, Благаго и Милостиваго Бога, а знаетъ

лишь какую-то высшую силу гнѣвную и враждебную, вслѣдствіе чего онъ и смѣшиваетъ затѣмъ представленіе о Богѣ съ представленіемъ о зломъ духѣ, дьяволѣ, всецѣло отдается вѣрѣ въ духовъ и привидѣнія. И эта вѣра вскорѣ получаетъ для него болѣе серьезное значеніе, нежели лишенная для него реального содержанія и чуждая ему вѣра въ Бога ¹⁾).

Впрочемъ кому по обязанности службы, какъ С. С. приходится имѣть дѣло съ цыганами и хорошо изучить это столь отличное отъ другихъ племя, тотъ обыкновенно не удивляется, что цыгане именно таковы, какими онъ ихъ находитъ. Все, что на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій пришлось пережить цыганамъ, заключалось лишь въ гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ. Попытки приобщить ихъ благамъ цивилизаціи были случайны, насильственны и не соответствовали природѣ цыганъ, такъ что въ сущности для нихъ ничего не было сдѣлано. Мы сами, криминалисты, обращаемъ вниманіе на нихъ только тогда, когда они совершаютъ преступленія. Что же происходитъ среди самихъ цыганъ въ ихъ собственной средѣ, никто на это не обращаетъ вниманія. Кому изъ насъ хотя бы разъ случалось производить слѣдствіе о томъ, что цыгана его единоплеменники подвергли жестокому искалѣченію въ видѣ наказанія? Было ли у кого-нибудь изъ насъ въ производствѣ дѣло объ изгнаніи плода цыганкою,—а между тѣмъ такіе случаи многочисленны. Кто защищаетъ честь цыганскихъ дѣвочекъ, лишаемыхъ невинности часто почти въ дѣтскомъ возрастѣ? Кто преслѣдовалъ цыгана, виновнаго въ отравленіи своего единоплеменника? Кто вообще имѣетъ какія-либо точныя свѣдѣнія объ ихъ страшномъ ядѣ «Дгу»? Кто видѣлъ цыгана, лѣчившагося въ больницѣ? Отъ какихъ болѣзней умираютъ цыгане? Гдѣ ихъ могилы?

5. Орудія для совершенія кражъ и яды.

По вопросу о томъ, что именно замѣчательнаго мы находимъ у цыганъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они являются предъ нами въ роли преступниковъ, мы должны сказать, что припасы ихъ для совершенія преступленій гораздо менѣе сложны, чѣмъ можно было бы думать.

¹⁾ Характерно то, что Христосъ они переводятъ *tarpo dewel*, т. е. молодой Богъ. По ихъ вѣрованію, древній христіанскій Богъ давно умеръ и уступилъ наслѣдство молодому Богу.

Такъ, только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ можно найти у нихъ орудіе специально удобное для взлома, тогда какъ у другихъ профессиональныхъ воровъ обыкновенно имѣются для этой цѣли орудія особой конструкціи. Хотя цыганъ отъ природы обладаетъ способностями хорошаго кузнеца и слесаря, тѣмъ не менѣе онъ никогда не сдѣлаетъ себѣ какихъ-либо орудій для взлома, отмычекъ и т. п. потому, что онъ слишкомъ лѣнивъ для этого и слишкомъ трусливъ для того, чтобы держать ихъ при себѣ. Кромѣ того, совсѣмъ не въ натурѣ цыгана работать при помощи отмычекъ или специальныхъ орудій взлома, такъ какъ въ помѣщенія онъ проникаетъ или черезъ окна или инымъ подобнымъ способомъ, предварительно высмотрѣвъ всѣ слабыя мѣста въ нихъ, а сундуки и пр. онъ вскрываетъ съ непостижимою ловкостью ножомъ, кривымъ гвоздемъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ, примитивнымъ, но надежнымъ орудіемъ.

За то цыганъ всегда имѣетъ при себѣ крючокъ и бичевку къ нему. Предметы эти, смотря по величинѣ ихъ и конструкціи, служатъ у него для самыхъ разнообразныхъ цѣлей, рѣже всего для ловли рыбы,—занятіе, которому цыганъ предается только въ видѣ исключенія. Главнымъ образомъ, цыганскія удочки служатъ для болѣе удобнаго похищенія всякой домашней птицы: куръ, утокъ, гусей и даже голубей. Цыгане, большею частью цыганки, спокойно подходятъ къ птицѣ, находящейся иногда вдали отъ дома и, естественно, безъ особаго присмотра, и бросаютъ ей хлѣбныя крошки. Говорятъ, что эти крошки обыкновенно смазаны какою-то жидкостью, особенно любимую птицами, вѣроятно, цибетовымъ сокомъ. Иногда бросаютъ цибетъ, иногда анисовыя зернышки, большею же частью асу-фѣтиду (вонючку). Приманивъ птицу, ей бросаютъ нѣсколько большихъ кусковъ и въ одинъ изъ нихъ вкладываютъ крючекъ удочки, привязанный шелковымъ снуркомъ къ бичевѣ или тонкой проволоцѣ. Когда птица схватываетъ этотъ крючокъ, то быстро притягивается, душится и подвѣшивается подъ юбку на заранѣе приготовленной петлѣ. Иногда же птица пугается, но подманивается снова, и ловля продолжается. Для гусей иногда устраиваются искусственныя приманки: изъ тряпокъ, въ крайнемъ случаѣ изъ листьевъ дѣлаются искусственныя чучелы лягушекъ, въ нихъ вкладывается особый крючокъ, и это чучело посредствомъ шнура приводится въ движеніе.

Другое болѣе опасное примѣненіе крючковыхъ состоитъ въ томъ, что они примѣняются, какъ метательное орудіе или самоловъ. Съ

этой цѣлью 3 или 4 удильныхъ крючка плотно связываются вмѣстѣ толстыми концами, и концы эти затѣмъ зажимаются между половинками свинцоваго шара (рис. 36). При такомъ устройствѣ орудіе это, какъ корабельный якорь, непременно должно захватить или зацѣпить то, на что будетъ закинуто. Свинцовый шаръ имѣетъ цѣлью придать этому орудію необходимую тяжесть для правильнаго метанія. Въ употребленіи этого орудія цыгане, особенно изъ молодежи, обнаруживаютъ замѣчательное искусство.

Рис. 36.

У всѣхъ народовъ мальчики забавляются бросаніемъ камней, стараясь бросить, какъ можно далѣе. Не такъ дѣлаетъ цыганенокъ: онъ набираетъ большую кучу камней, каждый величиной съ орѣхъ, и, выбравши себѣ цѣлью какой-нибудь большой камень, небольшую доску, тряпку на разстояніи 10—25 шаговъ, въ теченіе цѣлыхъ часовъ безъ усталости и безъ перерыва бросаетъ свои камешки въ эту цѣль и въ концѣ концовъ достигаетъ такого совершенства, что въ цѣль не болѣе ладони онъ попадаетъ всегда безъ промаха.

Когда мальчикъ достигнетъ такого совершенства, то ему даютъ самозовъ и тряпку, которую онъ сначала кладетъ на землю, а затѣмъ вѣшаетъ гдѣ-нибудь, и старается попасть въ нее при самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ и притащить къ себѣ съ помощью своего орудія. Такое занятіе вполне соответствуетъ вкусамъ цыгана, представляя развлеченіе, не сопряженное съ трудомъ и въ то же время обещающее ему, при дальнѣйшихъ успѣхахъ въ немъ, возможность добыванія богатой добычи. Обученіе мальчика считается законченнымъ, если онъ удачно извлекаетъ тряпку, повѣшенную среди листвы дерева.

Примѣненіе этого искусства на практикѣ заключается въ томъ, что изъ помѣщеній, въ которыя нельзя или затруднительно проникнуть, вытаскивается бѣлье, одежда и т. п. Такъ напр. выуживается бѣлье, повѣшенное для просушки въ огороженномъ дворѣ, если почему-либо опасно или затруднительно проникнуть въ самый дворъ. Съ поразительною ловкостью выуживается платье изъ комнаты нижняго этажа черезъ окна, защищенныя рѣшетками, въ то время, какъ обитатели въ сосѣдней комнатѣ обѣдаютъ. Платье, повѣшенное на вѣшалкѣ, выуживается такимъ образомъ, что сначала сдергивается съ гвоздя и затѣмъ протаскивается по полу. Все это продѣлывается очень ловко и быстро, и въ самыхъ рѣдкихъ слу-

чаяхъ платье встрѣчаетъ препятствіе, напр., въ видѣ стула, тогда похититель оставляетъ удочку и скрывается. Но въ большинствѣ случаевъ выуживаніе совершается удачно и прибыльно. Нѣкоторыя вещи похищаются такимъ путемъ черезъ открытыя окна чердаковъ невысокихъ домовъ; часто также цыганъ, стоя за какимъ-нибудь прикрытіемъ, стаскиваетъ попону со спины лошади, при чемъ хозяинъ, сидѣвшій у окна, теряется въ догадкахъ, такъ какъ «онъ долженъ былъ видѣть всякаго, проходившаго по улицѣ».—Такимъ образомъ совершается цѣлый рядъ «загадочныхъ» кражъ, относительно которыхъ или совершенно непонятенъ способъ проникновенія вора въ помещеніе, или же въ которыхъ никто не видѣлъ похитителя. Были также случаи, что цыгане выуживали окорока изъ дымовыхъ трубъ, повѣшенные въ нихъ для копченія.

Затѣмъ цыгане обыкновенно имѣютъ при себѣ лекарственныя травы и разныя средства для волшебства; это—исключительно или же частью т. наз. симпатическія средства. Различныя жировыя вещества и волосы въ естественномъ или сожженномъ видѣ—вотъ средства, употребляющіяся преимущественно для составленія т. наз. любовныхъ напитковъ или порошковъ. Мнѣ неизвѣстно, однако, изъ чего состоитъ знаменитое средство, употребляемое цыганами для изгнанія плода: было бы довольно интересно знать его, такъ какъ оно дѣйствуетъ всегда вѣрно и поэтому является единственнымъ надежнымъ abortивнымъ средствомъ.

Далѣе у цыганъ постоянно находятся при себѣ фосфоръ и мышьякъ, но для надобностей невиннаго свойства: посредствомъ ихъ они истребляютъ крысъ и мышей. Въ этомъ они большіе мастера и съ охотой предлагаютъ свои услуги, такъ какъ имѣютъ при этомъ возможность самымъ точнымъ образомъ высмотрѣть расположеніе комнатъ въ домѣ и надворныя постройки.

Съ преступною же цѣлью отравить кого-либо цыгане никогда не пользуются фосфоромъ, мышьякомъ и подобными средствами. Для этого они имѣютъ чрезвычайно сильный ядъ «Dru», страшнѣйшій изъ всѣхъ ядовъ (также Dri или Drei). «Dru», это—мелкій коричневаго цвѣта порошокъ, надо думать, изъ споръ какого-нибудь грибка (можетъ быть, *Asper gillum niger*), который прорастаетъ въ животномъ организмѣ въ видѣ зеленоватожелтыхъ волоконъ длиною 12—15 дюймовъ. Порошокъ растворяется въ тепловатой жидкости, по принятіи внутрь споры присасываются къ слизистымъ оболочкамъ; очень быстро размножаются, вызываютъ изнурительную лихорадку, кашель, часто кровохарканіе, и въ 2—3 недѣли насту-

заеть смерть. По остываніи трупа умирають и грибки, подвергалсь разложенію, и такимъ образомъ въ самое короткое время послѣ смерти уже нѣтъ возможности установить присутствіе этого яда въ организмѣ (Gerichtl. Chemie. А. Классена).

6. Поведеніе цыганъ на судѣ.

Прежде всего считаю нужнымъ повторить, что должно хорошо знать цыганъ для того, чтобы вести слѣдствіе въ надлежащемъ направленіи: иначе легко впасть въ заблужденіе и даже, быть можетъ, несправедливо отнестись къ нему. Различіе между цыганами и всякимъ другимъ человѣкомъ—огромное, и чѣмъ болѣе изучаешь это своеобразное племя, тѣмъ болѣе удивляешься, какъ среди культурныхъ народовъ въ наше все интеллигирующее время могло сохраниться это во всемъ непохожее на другихъ племя.

Ниже я приведу нѣсколько народныхъ поговорокъ, выразительно характеризующихъ какъ самаго цыгана, такъ и жизнь его.

Являясь къ судѣ, цыганъ сначала ведетъ себя робко, осторожно, какъ бы ощупывая почву. На всѣ вопросы онъ такъ же, какъ еврей и вообще восточнаго происхожденія люди, отвѣчаетъ преимущественно новымъ вопросомъ для того, чтобы выиграть время. Это до такой степени вошло въ его привычку, что даже на вопросъ объ его имени онъ отвѣчаетъ часто такъ: «какъ зовутъ бѣднаго цыгана?» На вопросъ же о возрастѣ говоритъ: «сколько лѣтъ мнѣ будетъ?» развѣ я знаю, когда я появился на свѣтъ? Кто мнѣ могъ сказать, сколько мнѣ лѣтъ?» Вопросъ о прежней судимости вызываетъ цѣлый потокъ торжественныхъ увѣреній: «почему я долженъ быть судимъ?» «Кто сказалъ, что я былъ ранѣе въ тюрьмѣ?» «Развѣ вы меня видѣли въ тюрьмѣ?» «Неужели я похожъ на человѣка, бывшаго подъ судомъ?» Затѣмъ начинаются длинныя увѣренія о невинности его, какъ относительно прошлыхъ дѣяній, такъ и настоящихъ. Онъ успѣлъ уже успокоиться, робость исчезла, и на лицѣ его появляется наглость, самоувѣренность и даже высокомеріе, и тогда изъ устъ его льется цѣлый потокъ словъ, который полезно не прерывать. Въ этомъ отношеніи я присоединяюсь къ мнѣнію совѣтника уголовного суда Либиха, который совѣтуетъ вообще словоохотливымъ людямъ дать выговориться, и не могу согласиться съ Ягеманомъ, который рекомендуетъ прекращать такіа словозверженія. Относительно цыганъ эта послѣдняя мѣра все

равно бесполезна: послѣ прерванія онъ снова самымъ простымъ образомъ начинаетъ говорить о томъ же, такъ что остановками только потеряешь время и ровно ничего не добьешься.

Наоборотъ, весьма полезно записать все, что наговорилъ цыганъ, отчасти для того, чтобы изобличить его въ противорѣчяхъ, а отчасти потому, что онъ пугается этого записыванія и сокращаетъ свою рѣчь. И всегда во время допроса нахальство его и дерзкая самоувѣренность возрастаютъ, если только онъ видитъ передъ собою спокойнаго и молчаливаго С. С. Эти качества цыганъ всегда принимаетъ за глупость, и это прибавляетъ ему смѣлости. Можно, не прибѣгая ни къ какимъ хитростямъ, просто соглашаться съ его мыслями, тогда онъ начинаетъ еще болѣе лгать; того же можно достигнуть, если выразить сомнѣнiе въ какомъ-нибудь хорошемъ его поступкѣ или благородномъ свойствѣ. Затѣмъ, выслушавъ болѣе или менѣе продолжительное время изъясненiя цыгана (значительная доля простодушия присуща каждому, даже болѣе разумному цыгану), слѣдуетъ коротко и энергично предъявить ему всѣ противорѣчiя въ его словахъ и изложить собранныя противъ него улики.

Цыганъ очень рѣдко сознается вполнѣ, но всегда можно замѣтить, сознаетъ ли онъ самъ себя уличеннымъ, а именно, когда его оставляетъ его прежняя смѣлость, и онъ начинаетъ говорить жалобнымъ и просительнымъ тономъ. Наивность его сказывается въ этомъ случаѣ въ томъ, что, внѣшнимъ образомъ продолжая отрицаться, онъ уже въ каждомъ движенiи своемъ проявляетъ сознаниe своей вины. Чѣмъ болѣе цыганъ замѣчаетъ, что виновность его извѣстна и что онъ даже уличенъ, тѣмъ онъ становится скромнѣе, тѣмъ быстрѣе покидаютъ его самоувѣренность и смѣлость. Но даже, если цыганъ намѣренъ сознаться, то онъ дѣлаетъ это нерѣшительно, колеблясь и при малѣйшей возможности начинаетъ лгать. Я помню всего одинъ лишь случай, когда цыганъ учинилъ полное откровенное сознаниe и сообщилъ важныя данныя о другихъ своихъ соучастникахъ. По одному дѣлу объ убiйствѣ много лѣтъ спустя послѣ совершенiя его упало подозрѣнiе на одну супружескую чету, при чемъ въ дѣлѣ оказался замѣшаннымъ, довольно впрочемъ отдаленно, и цыганъ. Этотъ послѣднiй вскорѣ послѣ этого убiйства былъ осужденъ по другому дѣлу также объ убiйствѣ и приговоренъ къ пожизненному заключенiю въ тюрьмѣ; такимъ образомъ онъ нѣсколько лѣтъ уже находился въ заключенiи. При допросѣ онъ упорно отрицалъ свою вину (такъ же, какъ и заподозрѣнные мужъ и жена),

объясняя, что онъ даже не знаетъ убитаго, не знаетъ заподозрѣнныхъ мужа и жену и вообще по дѣлу ему ничего не извѣстно. Онъ надѣялся на давность преступленія, не зная того, что тотчасъ же послѣ этого убійства было произведено тщательное и обстоятельное полицейское дознаніе, которымъ были выяснены всѣ существенные моменты событія до мельчайшихъ подробностей. Но когда цыганъ, старый и опытный плутъ, самъ себя запуталъ и узналъ, что преступленіе это вполне раскрыто, то онъ на нѣкоторое время замолчалъ и затѣмъ началъ: «г. С. С., я и такъ на всю жизнь убить; изъ-за новаго дѣла вы не будете меня казнить и болѣе, какъ «пожизненное» я не получу. Соучастники мои, мужъ и жена, желаютъ, очевидно, меня запутать болѣе, чѣмъ я виновенъ: поэтому я расскажу вамъ все, какъ было». Затѣмъ онъ рассказалъ, какъ совершенно было убійство, подробно и, какъ позднѣе было установлено, совершенно справедливо; при этомъ онъ сообщилъ мнѣ нѣсколько наставленій, которыя были въ высшей степени интересны въ психологическомъ смыслѣ. Вышеупомянутые соучастники цыгана, мужъ и жена, принадлежали къ разнымъ національностямъ: мужъ былъ нѣмецъ, жена—венгерка. На это обстоятельство цыганъ указалъ и затѣмъ пояснилъ мнѣ такъ: «если вы хотите раскрыть это дѣло вполне, какъ оно было, чтобы не замѣшать ни одного невиннаго, то должны отнестись къ каждому изъ нихъ правильно, къ мужу—нѣмцу—такъ, а къ женѣ венгеркѣ—иначе». При этомъ онъ высказалъ свою характеристику обѣихъ народностей замѣчательно мѣткую и ясную; то, что онъ сказалъ о нѣмецкой народности, было совершенно справедливо, хотя и не совсѣмъ лестно.

Все, выслушанное мною, чуть не заставило меня отказаться отъ своихъ взглядовъ на цыганъ, какъ вдругъ мой арестантъ добавилъ для меня нѣсколько совѣтовъ о томъ, какъ «изловить» его соучастниковъ. Эти совѣты были такъ подлы и дьявольски хитры, что вся гнусность природы этого Богомъ отверженнаго племени вновь встала предо мною. Я попытался выяснить ему, что поступить такъ не могу; онъ удивленно посмотрѣлъ на меня, пожалъ плечами и замолчалъ.

7. Имена цыганъ.

Особая затрудненія представляютъ имена цыганъ. Тѣ фамиліи, которыя они теперь носятъ, введены среди нихъ не болѣе ста лѣтъ назадъ и при томъ распоряженіемъ правительственной власти. Съ

неохотой цыгане подчинились этому распоряженію, такъ какъ хорошо знали, что судебное преслѣдованіе, выясненіе прежней судимости, выясненіе личности возможны только при томъ условіи, чтобы каждое лицо имѣло свою опредѣленную фамилію. Чтобы ослабить значеніе этой мѣры, цыгане ограничились весьма небольшимъ числомъ фамилій: въ венгерскихъ пограничныхъ частяхъ почти всѣ цыгане носятъ фамиліи: Хорватъ, Пфейферъ, Баранья, Неуманъ, Царкѣзи и Кокосъ. Приходится поэтому разбираться, дѣйствительно ли задержанный Хорватъ есть тотъ самый Хорватъ, который былъ судимъ годъ назадъ. Курьезно также, что въ австро-венгерскихъ полицейскихъ газетахъ печатается цѣлый рядъ статей о розыскѣ цыганъ по имени Хорватъ и Царкѣзи, при чемъ въ особыхъ примѣтахъ почти у всѣхъ значится: «рѣзко выраженный цыганскій типъ».

Въ Германіи замѣчается болѣе разнообразіе въ фамиліяхъ цыганъ, но все таки въ предѣлахъ довольно тѣснаго круга, и такія фамиліи, какъ Вейсъ, Бреуцъ, Кѣкъ, Кпферъ, Ганштейнъ, Меркъ, Муффель и т. д. встрѣчаются очень часто. Цыгане, поселившіеся въ Вестфалии (которые, впрочемъ, какъ сообщилъ мнѣ Судья Верушовскій изъ Зигена, ведутъ себя тихо), почти безъ исключенія носятъ фамиліи Янсонъ, Лагеринъ, Ребштокъ и Меттбахъ.

Но всѣ эти фамиліи только фамиліи для властей, т. е. подъ этими фамиліями цыгане значатся въ метрикахъ, призываются на военную службу и заключаются въ тюрьму. И если цыгане знаютъ эти фамиліи, то только для того, чтобы передъ должностными лицами и учрежденіями не впасть въ противорѣчіе съ показаніями своего товарища. Для себя въ своей средѣ они имѣютъ другія имена, подобныя тѣмъ, какія употребляются у индѣйцевъ. Большею частью это имена прилагательныя или прилагательныя съ существительными, рѣдко одни существительныя, напр. *sastereskego*—желѣзный, *bidangero*—беззубый, *bikaneskego*—безухій, *binaskero*—безносый, *gahrtscho*—голый, *matakerdo*—пьяный, *vesavo*—хромой; затѣмъ *galiminsch*—черная дѣвочка (собственно *vulva*), *sjuri ostro*—острый ножъ; наконецъ *miri*—гусь, *bersthero*—пастухъ, *miriklo*—перлъ, *nasado*—убитый и т. д. Если спросить цыгана о фамиліи его товарища, то онъ назоветъ только одну оффиціальную фамилію (при этомъ прибавляетъ всегда, что «только недавно увидалъ его въ первый разъ»—хотя бы они были близнецы); если же вы спросите затѣмъ, какъ эта фамилія будетъ по цыгански, допрашиваемый невольно иногда обнаружитъ настоящее имя цыгана.

Такія имена всегда слѣдуетъ записывать себѣ на память, такъ какъ нерѣдко они могутъ послужить къ различенію одного цыгана отъ другого: разъ данное, это имя всегда остается за цыганомъ и даже не переходитъ къ потомкамъ. Наслѣдственность именъ среди цыганъ вообще затруднительна уже потому, что нигдѣ болѣе не наблюдается «*pater semper incertus*», какъ именно въ этомъ племени. Разказы о святости брака среди цыганъ, строгомъ соблюденіи его, причемъ прелюбодѣяніе будто бы наказывалось переломомъ колѣннаго сочлененія, не были подтверждены предо мною ни однимъ цыганомъ. Я считаю эти разказы выдумкой, пущенной. быть можетъ; самими же цыганами, желавшими представить себя лучшими, нежели они на самомъ дѣлѣ есть. Я признаю положительно невозможнымъ, чтобы цыганъ усвоилъ себѣ хотя бы до нѣкоторой степени понятія о дѣвственной чести, о святости и т. п. Онъ дѣйствительно вступаетъ въ драку и ссору съ своимъ соперникомъ, но то же мы видимъ и у животныхъ; чувства же чести и стыда, свойственныя культурному человѣку, для цыгана совершенно непонятны.

8. О нѣкоторыхъ физическихъ качествахъ цыганъ.

Точно также и относительно физическихъ качествъ и способностей цыганъ слѣдуетъ имѣть совершенно иное представленіе, нежели о томъ же у другихъ людей. Это въ особенности имѣетъ значеніе при обсужденіи вопроса о томъ, не превышаетъ ли то или другое силы человѣка. Къ цыганамъ обыкновенная мѣрка въ этомъ отношеніи не приложима, и ближе къ правдѣ будетъ сказать, что нѣтъ ничего, что бы не было по силамъ цыгану.

Это справедливо, напр., при соображеніи разстояній. Если говорится, что «при хорошей дорогѣ, достаточномъ знакомствѣ съ нею и безъ ноши можно достигнуть извѣстнаго мѣста въ такое-то время, а при дурной дорогѣ, не зная мѣстности и съ тяжелой ношей въ столько-то времени», то сказанное приложимо только къ обыкновеннымъ смертнымъ, но не къ цыганамъ. Хороша дорога или нѣтъ, знаетъ ли онъ ее или нѣтъ, обремененъ ли онъ тяжелой ношей или идетъ налегкѣ, для него это совершенно безразлично: если ему нужно, то онъ совершитъ весь путь при какихъ бы то ни было условіяхъ въ непостижимо короткое время. Для него есть только одно препятствіе, это—вѣтеръ: о томъ, что цыганъ не

переносить вѣтра и прямо безпомощенъ, если вѣтеръ дуетъ противный, можно найти во всѣхъ сочиненіяхъ о цыганахъ, и это совершенно вѣрно.

Остальные воры для совершенія кражъ выбираютъ преимущественно бурныя ночи, цыганъ—наоборотъ, въ эти ночи прячется дома. Если имъ приходится странствовать въ вѣтреную погоду, то на путь они употребляютъ болѣе времени, нежели всякій другой. Такимъ образомъ, если кража была совершена въ ненастную и вѣтреную ночь, то имѣется полное основаніе предположить, что цыгане въ ней не участвовали. Я думаю, что это объясняется не соматическими причинами, а суевѣріями, страхомъ предъ злыми духами.

Также иную мѣрку слѣдуетъ прилагать и относительно болѣзней и недуговъ цыганъ. Отнюдь не слѣдуетъ считать симуляціей тѣ заболѣванія, которымъ подвергается цыганъ даже послѣ краткаго заключенія въ тюрьмѣ. Если врачъ и не найдетъ никакихъ объективныхъ признаковъ болѣзни, цыганъ все-таки можетъ въ дѣйствительности тяжело страдать, какъ страдаетъ житель горъ, переселенный въ равнину, житель равнинъ—въ горахъ, какъ перелетная птица—въ клеткѣ. Цыганъ въ теченіе столѣтій привыкъ къ неограниченной свободѣ и не переноситъ лишения ея такъ же, какъ и не привычныхъ ему пищи, одежды, тюремныхъ порядковъ и распредѣленія времени. Онъ болѣетъ не только тѣломъ, но и душою и, если приходится отказать ему въ единственномъ для него лечебномъ средствѣ, въ свободѣ, то по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ мучить его суровымъ обращеніемъ съ нимъ, какъ съ симулянтомъ.

Замѣчательною и важною для криминалиста является еще одна особенность цыганскаго организма: необыкновенно быстрое заживаніе всякихъ ранъ,—особенность, быть можетъ, присущая только восточнымъ народамъ. По крайней мѣрѣ объ этомъ существуютъ рассказы относительно многихъ восточныхъ племенъ: одинъ нѣмецкій врачъ, долгое время бывший директоромъ госпиталя въ Каиро, говорилъ мнѣ, что напр. у арабовъ способность быстро заживанія ранъ поразительна. Такъ, одинъ человекъ не первой молодости упалъ съ крыши невысокаго дома на рѣшетку палисадника такъ, что три стержня проникли чрезъ бедро и вышли на другой его сторонѣ на разстояніе около фута. При этомъ его такъ неловко и грубо снимали съ рѣшетки, что стержни эти проникли еще далѣе сквозь раны, и тѣмъ не менѣе раны его зажили первичнымъ натяженіемъ безъ нагноенія и лихорадки. Конечно, этому много спо-

собствовать и климатъ, но и въ нашемъ поясѣ мы наблюдаемъ не менѣе быстрое излеченіе именно у цыганъ. Они весьма чувствительны къ физическимъ болямъ, но и при самыхъ тяжкихъ поврежденіяхъ тѣмъ не менѣе способны къ передвиженіямъ, въ особенности если имъ нужно бѣжать. Однажды на ярмаркѣ понесшіяся лошади сбили съ ногъ цыгана и причинили ему такіе ушибы, что онъ былъ доставленъ въ больницу въ безсознательномъ состояніи, и врачи опредѣлили ему для окончательнаго поправленія нѣсколько недѣль. Однако, у смуглаго паціента былъ на душѣ какой нибудь грѣхъ, потому что на третью же ночь онъ скрылся изъ больницы черезъ окно, не забывъ при этомъ захватить съ собой и простыни съ кровати.

Такимъ образомъ при обсужденіи вопроса о томъ, могъ ли цыганъ, получившій въ томъ или другомъ случаѣ тяжкія поврежденія, еще предпринять какія либо дѣйствія, слѣдуетъ принимать въ соображеніе вышензложенныя наблюденія. При разрѣшеніи же вопроса о времени причиненія цыгану раны можно просто сбавлять немалую долю отъ нормальнаго срока для заживанія раны; одинъ опытный хирургъ говорилъ мнѣ, что «у цыганъ можно буквально видѣть самый процессъ заживанія раны».

Цыгане и лица, расположенныя къ нимъ, приписываютъ это быстрое заживаніе не столько конституціональнымъ свойствамъ ихъ, сколько извѣстнымъ имъ превосходнымъ цѣлебнымъ средствамъ. Весьма недавно жандармъ хотѣлъ задержать въ корчмѣ одного крайне опаснаго вора, который долго жилъ вмѣстѣ съ цыганами. Злодѣй вступилъ съ жандармомъ (въ корчмѣ) въ перестрѣлку и удачнымъ выстрѣломъ убилъ его, но пуля жандарма раздробила правую руку злодѣя въ нижней части. Убѣжавъ изъ корчмы, воръ нашель пріютъ у одного знакомаго крестьянина, которому и сказалъ: «если я успѣю дойти до своихъ (т. е. до цыганъ), то они мнѣ скоро вылѣчатъ руку, если же нѣтъ, то я погибъ». Эти слова свидѣтельствуютъ о томъ, какое высокое довѣріе имѣлъ этотъ человекъ къ врачебному искусству цыганъ.

Все сказанное относительно наружныхъ поврежденій можетъ почти вполне относиться и до внутреннихъ болѣзней. Цыганъ подвергается имъ въ той же степени, какъ и всякій другой человекъ, но имѣетъ силы переносить ихъ часто подъ открытымъ небомъ, безъ крова и во время своихъ странствованій. Хотя имѣющіяся о цыганахъ статистическія данныя и крайне недостаточны, но даютъ все таки возможность утверждать, что процентъ смерт-

ности среди них по меньшей мѣрѣ несколько не выше, чѣмъ у насъ. Но безспорный фактъ, что среди цыганъ можно часто встрѣтить глубокихъ стариковъ, сохранившихъ свѣжесть силъ и подвижность.

Въ виду относительно спокойнаго отношенія цыганъ ко всякимъ заболѣваніямъ свопмъ, было бы совершенно ошибочнымъ напр., такое заключеніе, что извѣстный таборъ цыганъ не могъ принимать участія въ той или другой кражѣ на томъ основаніи, что дѣти въ этомъ таборѣ болѣны осною. Это обстоятельство отнюдь не удерживаетъ цыганъ отъ совершенія преступленія и, быть можетъ, иногда совершенно внезапное появленіе заразительныхъ болѣзней и объясняется тѣмъ, что онѣ могутъ быть занесены цыганами или при совершеніи кражъ, или прошеніи или милостыни.

9. Цыганскія поговорки.

Приведу въ заключеніе нѣсколько пословицъ цыганъ и о цыганахъ, такъ какъ ничто такъ не помогаетъ изученію народа, какъ именно поговорки, народомъ созданныя или о немъ сложившіяся. Нижеприведенныя цыганскія пословицы собраны Леландомъ, Розенфельдомъ, Гезиной, Поттомъ, Швикеромъ и др.

«Лучше ѣхать на ослѣ, чѣмъ на конѣ, который сбрасываетъ». «Если ты свою тайну сохранишь въ глубинѣ сердца, то навѣрное никто о ней не узнаетъ». «Жену и сукно не выбирай при свѣчкѣ». «Не добивайся того, чего никогда не получишь». «Нестыдно воровать, а стыдно попадаться въ кражѣ». «Воровать легче, чѣмъ работать». «Гдѣ нѣтъ денегъ, нѣтъ и любви». «И тотъ—воръ, кто лѣстницу держитъ». «Кто тебѣ льститъ, тотъ тебя обманулъ или хочетъ обмануть». «Кто будетъ ждать, чтобы его позвали ѣсть, часто останется голоднымъ». «При хорошей жизни и друзья бьются хороше». «Дѣти говорятъ о томъ, что дѣлаютъ, большіе—о чемъ думаютъ, а старики—о томъ, что видѣли». «У дурака сердце на языкѣ, у разумаго языкъ въ сердцѣ».

Поговорки (преимущественно венгерскія)—о цыганахъ: «Они живутъ, какъ цыгане (когда мужъ съ женою дерутся)». «Вреть, какъ цыганъ». «Онъ плачетъ, какъ сознавшійся цыганъ». «Напрасно ты цыганишь (т. е. воешь)». «Цыганъ сохи не знаетъ (т. е. не работаетъ)». «И цыганъ хвалитъ своего коня». «Онъ ѣздитъ на

цыганскомъ конькѣ (т. е. вретъ)». «Цыганъ—это фальшь, обманъ». «Цыганскій заработокъ—воровство».

Все дурное, имѣющее ничтожную цѣнность, лживое обозначается словомъ: «цыганское», напр. цыганское золото—мѣдь, цыганскій карпій—малоцѣнная рыба очень костистая, цыганскій виноградъ—дикій, негодный для ѣды виноградъ, цыганское вино—вино изъ какихъ-нибудь отбросовъ и т. н.

Изъ всѣхъ этихъ поговорокъ видно, что цыгане ненавистны и тягостны народу: презираемые и гонимые, влачатъ они свое жалкое существованіе, внося кругомъ лишь вредъ или разрушеніе. Что ожидается въ будущемъ этотъ странный народъ?